

Одна нoчъ

Из собрания сочинений

Альпийская баллада
Мёртвым не больно
Журавлиный крик
Волчья стая
Дожить до рассвета
Карьер
Круглянский мост
Обелиск
Одна ночь
Сотников
Знак беды

Василь Быков
Из собрания сочинений

ОДНА НОЧЬ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
Б95

Быков, В.

Б95 Одна ночь / В. Быков. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 238 с.

ISBN 978-5-521-74337-7

Писатель Василь Быков — участник Великой Отечественной войны, которая определила темы, сюжеты и выбор героев его произведений. Повести его прежде всего — о человеке, питанном ледяной водой болот, мокрой глиной окопов, пустотой леса в ничейной полосе, неизвестностью исхода войны, соблазном бессилия, безнадёжности, отступничества, бесконечностью раскисших дорог. В сборник вошли повести и рассказы «Одна ночь», «Третья ракета» и «Пасхальное яичко».

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
BIC FV
BISAC FIC032000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Текст. В.В. Быков, наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74337-7

Одна ночь

1

«Юнкерсы» налетели внезапно.

Их тонкохвостые стремительные тени вынырнули из-за островерхих, разбитых минами крыш и обрушили на город неистовый громовой рев. Оглушенный им, автоматчик Волока замедлил бег, присев, втянул голову в плечи и на несколько секунд сжался под все нарастающим визгом бомб. Вскоре, однако, сообразив, где спасение, боец метнулся на заброшенный мусором тротуар и очутился под чугунной решеткой, тянувшейся вдоль улицы. Несколько долгих мучительных секунд, прильнув к раскаленному асфальту, ждал...

Бомбы разорвались за оградой.

Земля со вздохом, тяжело содрогнулась, тугая горячая волна ударила Волоку в спину, что-то коротко и звонко звякнуло рядом, и сразу же улица, дома и вязы в сквере окутались клубами серой пыли.

«Полутонные, не меньше», — подумал Волока, сплевывая песок. Вокруг по тротуару, в сквере и на мостовой брякали обломки камней, шлепались слитки асфальта, взметнув высоко в воздух, не спеша просеивалась туча земли, и в ней, медленно оседая, густо мельтешила листва акаций. Где-то вверху простучал пулемет, тотчас от серого исцарапанного осколками здания брызнула штукатурка, и большая, с бобовый струк, желтая пуля, цокнув по камням, бешено завертелась на тротуаре. На очередном заходе снова ревели пикировщики.

Надо было бежать дальше.

В сквере среди еще не осевшей пыли уже замелькали полусогнутые пропотевшие спины бойцов, кто-то перескочил через решетку ограды и бросился на противоположную сторону улицы. По темной латке на плече Волока узнал сержанта, командира отделения из их взвода. Обрадованный, что впереди есть свой человек, боец вскочил и, пригнувшись, пустился следом.

Сержант в несколько прыжков перебежал улицу и под новый рев пикировщиков нырнул в подворотню. Волока же немного отстал. Позади грохнул взрыв, и когда он, запыхавшись, влетел под спасительные своды подъезда, то от неожиданности едва не вскрикнул: со двора прямо на него выскочили два немца. Волока споткнулся, шарахнулся было назад, но и немцы тут, видно, не ждали его. Передний что-то бормотал заднему, на мгновение в его расширенных глазах блеснули испуг и удивление. В то же мгновение Волока, не целясь, нажал на спуск — автомат содрогнулся от беспорядочной очереди, — немец выпустил из рук карабин и упал лицом на мостовую. Его новенькая, меченная альпийской эмблемой каска, громко звякая, криво покатилась по тротуару.

Куда исчез задний, Волока не увидел.

Вокруг грохотали взрывы, где-то со стоном рушилось здание, в подворотню хлынули клубы рыжей кирпичной пыли. Волока пригнулся, перескочил через откинутую руку немца, на которой еще дергались костистые с перстнями пальцы, и сунулся в настежь раскрытую дверь. Внутри и вниз тут сбегали ступеньки, в спешке Волока промахнулся ногой и торчком поле-

тел в темноту. Опережая его, в полумраке загредел его автомат.

Так боец очутился в подвале.

Тут было тихо и темно. Прохлада бетонного пола сразу охладила разгоряченное тело. Потирая ушибленные колени, Волока прислушался, медленно встал, ступил раз, второй, наклонился, отыскивая на полу оброненное оружие, и от неожиданности вздрогнул: пальцы его наткнулись на что-то пыльное, теплое и, несомненно, живое. Волока как-то не сразу сообразил, что это сапоги, которые тут же рванулись из-под его рук, и тут что-то тупое и тяжелое ударило бойца в спину. Волока ахнул от боли, но не упал, а взмахнув обеими руками, сгреб в темноте чьи-то ноги. Сознание пронзила догадка: немец!

Немец не удержался, свалился наземь, но руками успел схватить Волоку за голову. Иван напрягся, пытаясь вырваться, но напрасно. Враг все ниже пригибал его голову и, шаркая по полу подкованными сапогами, старался одолеть его. Но Иван, уже придя в себя от испуга, уцепился за одежду немца и, нащупав подошвами опору, всем телом толкнул врага.

— Ы-ых!..

Они оба тяжело рухнули на пол. Иван, задыхаясь от боли в подвернутой шее, почувствовал, как что-то под ним хрустнуло. Он теперь оказался наверху и, перебирая в темноте ногами, искал надежной опоры. Через минуту, а может и меньше, он с трудом высвободил голову и, сделав сильный рывок, распластал немца на полу. Еще не совсем уверенно, Иван почувствовал,

что сильнее врага, только, видно, тот был проворнее или, может, моложе, ибо не успел боец поймать в темноте его цепкие руки, как те снова ухватили Волоку за горло.

Иван только крикнул от боли, в глазах блеснул желтый огонь. На минуту он обмяк, отчаянно захрипел, а немец, извернувшись, перекинул в сторону ноги и очутился наверху.

— А-а-а! Сволочь! Ы-ых!.. — хрипел Иван.

Он инстинктивно вцепился в руки, сжимавшие его шею, пытаясь во что бы то ни стало разомкнуть их, не дать цепким пальцам сдавить горло. После долгих судорожных усилий ему удалось оторвать одну руку, но вторая тотчас сползла ниже и ухватила за воротник его застегнутой гимнастерки.

Боец задыхался, Грудь распирало удушье; казалось, вот-вот хрустнут горловые хрящи, помутилось сознание, и Волоку охватил испуг оттого, что вот так нелепо дает умертвить себя. В нечеловеческом отчаянии он уперся в пол коленями, напрягся и обеими руками резко вывернул в сторону одну, более мешавшую руку немца. Воротник гимнастерки затрещал, что-то глухо брякнулось о пол, немец засопел; бешено зашаркали по бетону его подкованные сапоги.

Волоке стало полегче. Он высвободил шею и, кажется, начал одолевать немца. На смену отчаянию в сознание ворвалась злорада, мелькнуло намерение убить — это придало силы. Барахтаясь и сопя, он нащупал ногами стену, уперся в нее и всем телом надавил на немца. Тот снова оказался снизу — Волока, мыча от злорада

и ярости, наконец добрался до его жилистой шеи.

— И-и-и-э-э! — мычал немец, и Волока чувствовал, что побеждает.

Его противник заметно сбавил напор и только оборонялся, хватаясь за ожесточившиеся Ивановы руки. Волоке, однако, очень мешала сумка с дисками, которая попала под немца и ремнем, как на привязи, держала бойца. Волока снова утратил опору, куда-то пропала стена, ноги скребли по скользкому полу. Но он изо всех сил держался наверху и не выпускал из рук немца, который вдруг захрипел, рванул Ивановы руки, раз и второй, напрягся, стукнулся о бетон головой и неистово забился всем телом. Однако Иван приналег плечом, удерживая пятерней горло, и сдавил.

В этот момент наверху что-то стряслось.

Оглушительный взрыв туго ударил в уши, в бездну рухнуло черное подземелье, сотни громов и грохотов обрушились на людей. Удушливым смрадом забило грудь, болью пронизало голову, спину, ноги, что-то навалилось и придушило... Волока инстинктивно отпрянул от немца, вскинул над головой руки, беспомощно съежился, подставив обвалу потную, побитую спину, и от боли сжал зубы.

Грохот, однако, скоро утих, но тело Володи было сковано такой тяжестью, что нельзя было шевельнуться, и только в сознании билась короткая удивленная мысль: «Жив!» Но не было воздуха, и он задыхался от сернистого тротилового смрада, песка и пыли. Почувствовав, что задыхается, Иван рванулся из уго-